

Федоров Сергей Георгиевич

ПРЕЛЮБОДЕЯНИЕ, САМОСУД И ОБЫЧНОЕ ПРАВО В РОССИЙСКОЙ И СИБИРСКОЙ ДЕРЕВНЯХ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX - НАЧАЛЕ XX В.

В статье на основе этнографического и архивного материала изучен самосуд за прелюбодеяние в русской деревне. Анализируются причины крестьянских самосудов за супружескую измену. Выявлена роль семьи и общины в таких самосудах. Сравниваются самосуды в российской и сибирской деревнях, выявляется их специфика. Подчеркивается гендерный характер наказаний за прелюбодеяние. Рассматриваются формы крестьянских самосудов, определяются их социально-правовые функции в жизни деревни. Изучается влияние модернизации на дальнейшее применение самосудов в крестьянской среде.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/12-2/50.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 12 (62): в 4-х ч. Ч. II. С. 183-186. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/12-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

10. Уманская И. А., Тезикова Е. А. Особенности самопрезентации в интернет-сетях в период ранней юности и молодости // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2012. Т. 18. № 4. С. 66-69.
11. Черняева К. О. Глобализация, потребление, виртуализация как культурные контексты идентичности [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/globalizatsiya-potreblenie-virtualizatsiya-kak-kulturnye-konteksty-identichnosti> (дата обращения: 27.08.2015).

PECULIARITIES OF “YOUTHFULNESS” REPRESENTATION BY INSTAGRAM USERS OF THE RUSSIAN SEGMENT

Ukhalova Alisa Olegovna

Russian State University for the Humanities

alisa.ukhalova@gmail.com

The article for the first time examines “youthfulness” representation in the social network ‘Instagram’ by users of various ages. The author suggests dividing the users into two age groups. Each of them has its own understanding of “youthfulness” and idea about the possibilities of using this concept. The paper substantiates the ways of the representation of the virtual world of “youthfulness”. The researcher shows that the concept “youthfulness” serves as a resource of freedom for the user while choosing a way in constructing “him(her)self”.

Key words and phrases: concept “youthfulness”; constructing virtual identity; social network; ways of “youthfulness” representation; self-presentation; culture of consumption.

УДК 93(930.85)

Исторические науки и археология

В статье на основе этнографического и архивного материала изучен самосуд за прелюбодеяние в русской деревне. Анализируются причины крестьянских самосудов за супружескую измену. Выявлена роль семьи и общины в таких самосудах. Сравниваются самосуды в российской и сибирской деревнях, выявляется их специфика. Подчеркивается гендерный характер наказаний за прелюбодеяние. Рассматриваются формы крестьянских самосудов, определяются их социально-правовые функции в жизни деревни. Изучается влияние модернизации на дальнейшее применение самосудов в крестьянской среде.

Ключевые слова и фразы: девиантное поведение; обычное право; самосуд; прелюбодеяние; российская и сибирская деревни; процессы модернизации.

Федоров Сергей Георгиевич, к.и.н.

Курганский государственный университет

serg-georg@mail.ru

ПРЕЛЮБОДЕЯНИЕ, САМОСУД И ОБЫЧНОЕ ПРАВО В РОССИЙСКОЙ И СИБИРСКОЙ ДЕРЕВНЯХ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В. ©

В любом цивилизованном обществе с возникновением брака и семейных отношений возникает такое негативное явление, как прелюбодеяние, которое всегда трактуется, как девиантная норма семейного общения. Уже доказано многими исследователями, что в переломные моменты эпох социальная девиация в обществе в значительной мере возрастает. К таким переломным эпохам относится и российская модернизация, оказавшая огромное влияние на развитие общества. Россия второй половины XIX – начала XX в. по численности населения в подавляющем большинстве представляла собой страну аграрного типа, поэтому большой интерес для исследователя имеет девиантное поведение крестьянства в эпоху модернизации. Очевидно, что к девиантным нормам поведения относится и прелюбодеяние.

Целью данной статьи является анализ прелюбодеяния как преступления в российской и сибирской деревнях, а также изучение отношения крестьян к данному виду преступления.

Современный юридический словарь дает следующее определение понятия «прелюбодеяние»: «нарушение супружеской верности, в уголовном праве некоторых стран преступление, посягающее на семью и общественную нравственность» [4, с. 428]. Прелюбодеяние уголовно наказывалось в Российской империи вплоть до 1904 г.

В принципе, трактовка прелюбодеяния и в XIX веке в России мало чем отличалась от современной: «Прелюбодеяние – плотская неверность лица, состоящего в супружестве...» [9, с. 59]. По официально-нормативному законодательству за прелюбодеяние полагалось наказание: тюремное или монастырское заключение на срок от 4 до 8 месяцев и церковное покаяние.

Описание прелюбодеяния как супружеской неверности и следующим за ним наказанием у исследователей, изучавших крестьянскую жизнь и быт в России второй половины XIX в., встречается довольно часто.

Случаи самосуда над прелюбодеяниями отобразены в таких описаниях очень подробно и детально. Главными причинами преобладания самосуда над официальным судом в этих делах являлись крестьянские традиции и устои. Отклонения от обычной брачной жизни в крестьянской семье считались делом сугубо внутрисемейным и общинным, так как от крепости и лада в семье зависела ее платежеспособность в фискальных общинных сборах, а сохранение семейных культурных традиций являлось одной из основ повседневной жизни деревенской общины.

Кроме того, всевластие мужа и почти полное бесправное положение жены в крестьянской семье фактически не допускали обращения пострадавших в официальные судебные органы власти.

Наиболее характерные примеры самосуда над лицами, совершившими прелюбодеяние, в различных регионах Российской империи подтверждают это.

«Крестьянка слободы Каменки в отсутствие мужа, ушедшего на заработки, вступила в связь с одним парнем. Некоторые крестьяне следили за ней и застали ее на свидании с парнем. Парень ушел, его не преследовали, но от женщины потребовали выкупа. Взяли с нее рубль, пропили его, но этим не удовлетворились. Подпившие парни вернулись, схватили ее, раздели до нага, обмазали дегтем и обсыпали придорожную пылью. Сельское начальство повело несчастную женщину в волостное правление. За ними следовала громадная ревущая толпа поселян... Вся эта ватага кричала, свистала, гикала на бедную женщину. Более рьяные и назойливые протискивались сквозь толпу и щипали арестованную, плевали ей в лицо и засыпали глаза придорожным песком. Особенною яростью и криками отличались женщины» [14, с. 66].

Нередки были случаи, когда измена жены была не доказана, но она все равно подвергалась наказанию. «В деревне Докторове Веневского уезда, Тульской губернии крестьянин К. подверг свою жену Авдотью зверскому истязанию. Подозревая ее в нарушении супружеской верности, К. собственноручно наносил ей удары ремненным кнутом. Не добившись этим путем сознания, он, в присутствии целой толпы, сбежавшейся на ее крик, связал ее по ногам веревкой и повесил ее вверх ногами... и стал опять наносить удар за ударом. Несчастливая, обливаясь кровью, не произнесла более ни одного слова и впала в бесчувственное состояние» [10].

Применяя такие зверские наказания, мужья нередко калечили своих жен, а иногда неумышленно или даже умышленно убивали.

«Ревность супруга заходит так далеко, что он, не удовольствовавшись истязаниями, решается совсем освободиться от неверной жены. В таком случае он показывает вид, что мирится с ней, а потом спустя недели две, уводит ее из села в безлюдное место, убивает и, скрыв следы убийства, подает объявление о пропаже жены... Такие случаи встречаются на всем Поволжье. Примерами расправы мужей с неверными женами могут служить следующие случаи: один солдат, возвратившийся со службы, узнает, что жена в отсутствие его была в прелюбодейной связи. В наказание за это, он подвешивает ее за руки и ноги и поджаривает на огне; результатом была, конечно, смерть. Другой же оскорбленный муж бросил свою жену после сильных побоев, в колодезь, где она и утонула. Иногда же, не решаясь убить ее сразу, мужья стремятся извести неверную жену постепенно. В этом случае муж ежедневно бьет жену весьма сильно» [11, с. 292-293].

На практику обычно-правовых самосудов в сибирской деревне влияли два важных фактора. Во-первых, сибирские крестьяне и их обычно-правовая жизнь находилась под влиянием ссыльнопоселенцев и переселенческого движения, которые несли свой уклад жизни и обычаи в новую местность, причем далеко не всегда законопослушные. Под этим влиянием нередко практика самосудов в сибирской деревне была более жестокой по сравнению с губерниями Европейской России. Но не следует рассматривать сибирскую деревню только с позиций ссыльнокаторжного края, в котором проживали одни преступники в мире насилия и беззакония. Это слишком упрощенный взгляд, не имеющий ничего общего с исторической действительностью.

Ссылка не была застывшим константным явлением сибирской жизни, на разных этапах своего развития ссылка имела различную динамику, при этом в конце XIX в. наблюдалось сокращение районов расселения ссыльных в Западной Сибири и перемещение их в Сибирь Восточную и даже далее – на Сахалин.

Следовательно, ссылка хотя и играла свою роль в формировании правовых обычаев сибирского населения, но эта роль не была определяющей и решающей [7, с. 93].

Второй важный фактор, влиявший на картину девиантной семейной жизни в Сибири – это численность и положение женщин в сибирских губерниях. Особенностью колонизируемых окраин являлась нехватка женщин в Сибири. Так в Памятной книжке Енисейской губернии на 1909 г. отмечается, что в 1906 г. в Сибири на 100 мужчин приходилось лишь 84 женщины [8, с. 22]. В связи с недостаточным количеством женщин в регионе, их социальное и семейное положение было несколько лучше, чем в Европейской России.

В сибирском деревенском обществе женщины занимали относительно свободное положение по сравнению с женщинами центральных российских губерний. Они обладали целым рядом хозяйственных и имущественных прав. Более того в случае смерти мужа при несовершеннолетних детях нередко были случаи, когда женщины самостоятельно вели семейное хозяйство [7, с. 128].

И, тем не менее, прелюбодеяния (особенно женские) в сибирской деревне также карались семейными и общинными самосудами довольно жестоко.

«Крестьянин Шадринской волости Барнаульского округа сделал над женой своей Степанидой такое циничное и варварское надругательство, что мы не находим приличных слов для описания его поступка. Из другого дела, производившегося в 1865 г., видно, что крестьянин Верхне Каинской волости Каинского округа Андрей Сартаков, услышав о дурном будто бы, поведении жены своей Александры, во время отлучки его, завел ее в баню и сек розгами так жестоко, что она через пять дней умерла» [5, с. 26].

Смертельные случаи после самосуда за прелюбодеяние в Сибири были нередки, как и в остальной России.

Так в Сургутском окружном суде в 70-е гг. XIX в. было рассмотрено 14 уголовных дел, связанных с убийством неверной жены и 5 уголовных дел с убийством мужем любовника жены [14, с. 383].

Прелюбодеяния были не только объектом обычного права и семейно-общинного самосуда. Определенная часть дел, связанных с семейной изменой попадала и в волостные суды, которые были гораздо гуманнее в своих наказаниях.

«27 апреля 1887 г. Крестьянская жена села Глядянского Авдотья Анисимова Киселева жалуется на мужа своего Ивана Петрова Киселева, что он живет распутно, постоянно пьянствует и растрчивает свое хозяйство, ее же постоянно прогоняет от себя и кроме того ходит к отставному рядовому с. Глядянского Ефиму Варфоломееву Ганину, у которого проживает крестьянская жена Саломатовской волости Авдотья Вахромеева с этой последней имеет любовную связь и за квартиру ее платит Ганину 40 копеек в месяц. Поэтому просит на мужа ее за распутную жизнь наложить наказание и на Ганина, который содержит любовницу Киселева...».

Волостной суд нашел виновными: «Ивана Киселева, ведущего распутную жизнь и солдата Вахромеева в протржении женщин распутного поведения... Волостной суд постановил: Киселева за распутную жизнь и пьянство наказать 15 розгами, а Ефима Варфоломеева Ганина за позволение в своем доме сходиться крестьянам с распутными женщинами – арестовать на трое суток в каталажной камере волостного правления» [3, д. 4. л. 9-10].

Следует отметить, что наказаниям за прелюбодеяния чаще всего подвергалась женщина, особо сурово наказывали замужних жен. Мужские измены наказывались реже и менее сурово, что чаще всего было связано с социальным положением мужчин в патриархальной семье и общине.

Примечательно, что чужой пришлый человек за прелюбодеяние наказывался более жестоко, чем односельнец-крестьянин. Чужого «выслеживают, стерегут его с подругой, чтобы захватить на самом преступлении, и как только поймают, тотчас же подвергают самым тяжким побоям, последствием коих бывает иногда смерть» [12, с. 291-292].

С развитием модернизационных отношений самосудные действия за супружеские измены в России в конце XIX – начале XX в. происходят значительно реже, так как происходит определенная трансформация крестьянского правосознания: постепенное отмирание обычно-правовых традиций и замещение их официально-нормативным правом. Кроме того, на сокращение практики самосудов повлияла определенная экономическая и социальная эмансипация женщины в деревне.

Интересен случай, приводимый по этому поводу волостным писарем Н. М. Астыревым в Воронежской губернии. В нем описывается дело, которое рассматривал волостной суд между супругами. Жена-истца просит суд, чтобы он заставил мужа-ответчика выдать ей паспорт для проживания в городе. Раньше муж в течение 6 лет давал жене такой паспорт, но теперь он желает проживать вместе с женой. Однако жена уже познала городскую жизнь и хочет «жить не хуже людей», так как муж не имеет возможности прокормить ее с дочерью. Жена даже готова давать мужу 5 рублей в год, только бы он отпустил ее в город. Несмотря на сопротивление мужа. Волостной суд удовлетворяет иск жены и принимает решение о выдаче ей паспорта [1, с. 206-207]. Следует согласиться с В. Б. Безгиным, утверждающим, что заработки крестьянок на стороне были одной из причин, толкавших их на прелюбодеяние [2, с. 155].

Итак, прелюбодеяние в России во второй половине XIX – начале XX в. было одним из распространенных видов половых преступлений, которое очень часто подвергалось самосуду. В одной из предыдущих статей мы уже отмечали, что считаем самосуд экстраординарной мерой, выходящей за рамки обычного крестьянского права [13].

Самосудные наказания за прелюбодеяния были двух форм: позорящие и физические. К позорящим наказаниям относились: провод прелюбодея через всю деревню голого, или полураздетого, или, измазанного дегтем, сажей и вываленного в перьях, с хомутом на шее, или запряженного в телегу, под осуждающие действия селян (свист, крики, хохот, пересуды, стук в ведра и кастрюли). Также остригали волосы, срывали платки и одежду с женщин, наряжали мужчин в женское платье, били стекла в оконных рамах дома провинившихся и т.п. Очень часто дегтем, сажей или экскрементами измазывались ворота дома, или подворных построек, выкапывался картофель с огорода прелюбодедев.

К физическим наказаниям самосуда относились: рукоприкладство, битье кнутом, колом и иными подручными средствами, сечение розгами и другие, зависящие от местных традиций, меры физического воздействия. Нередко физическое самосудное наказание перерастало в убийство лица, совершившего прелюбодеяние.

Деревенский самосуд в отношении прелюбодедев выполнял ряд важных социально-правовых функций: прежде всего – охранительная функция; функция защиты семейных и общинных обычаев, традиций и уклада; функция неотвратимости наказания (преступившему обычай и закон – заранее известная) также сдерживала «плотские порывы»; важной была функция публичности наказания и следовавшее за ней осуждение всей деревни. Нередко публичность наказания переживалась преступником гораздо больше, чем физическое насилие. Кроме того, самосуд имел воспитательные и профилактические функции. Все эти функции самосуда были традиционны и содействовали соблюдению общинного и семейного порядка.

В большинстве случаев самосуд над супругами носил гендерный характер. Изменившие жены наказывались чаще и жестче, чем мужья. Вероятно, это было связано со взглядом, пришедшим еще из первобытных времен, считающим женщину хранительницей семейного очага. А также с безграничной властью мужа и почти полным бесправием жены в патриархальной семье.

Модернизация в России существенно влияла на обычно-правовые традиции крестьянства [6]. В начале XX в. под влиянием городской культуры сельская становится более раскрепощенной в общении полов, что в определенной мере меняло взгляды крестьянства и на семейные устои: самосуды за прелюбодеяния стали практиковаться реже, а само это преступление все чаще становилось предметом судебных разбирательств судов волостных, а не общинных сходов.

Список литературы

1. Астырев Н. В волостных писарях: очерки крестьянского самоуправления. М.: Типо-литогр. Высоч. утвер. Т-ва И. Н. Кушнер и К°, 1896. 324 с.
2. Безгин В. Б. Русская деревня конца XIX – начала XX века: грани крестьянской девиантности // NB: Genesis: исторические исследования. 2012. № 2. Ч. 2. С. 149-190. DOI: 10.7256/2306 – 420X. 2012. 2. 302.
3. Государственный архив Курганской области. Ф. 129. Оп. 1.
4. Додонов В. Н., Ермаков В. Д., Крылова М. А. и др. Большой юридический словарь. М.: Инфра-М, 2001. 790 с.
5. Костров Н. Юридические обычаи крестьян-старожилов Томской губернии. Томск: Томская губернская типография, 1876. 117 с.
6. Менщиков И. С. Девиантное поведение русских в западносибирской деревне в начале XX в.: аспект кризиса традиционной культуры русских // Традиционные общества: неизвестное прошлое: мат-лы X Междунар. науч.-практ. конф. (21-22 апреля 2014 г.). Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2014. С. 275-279.
7. Менщиков И. С., Федоров С. Г. Девиантное и делинквентное поведение русских крестьян Южного Зауралья во второй половине XIX – начале XX вв. Курган: Изд-во Кург. гос. ун-та, 2013. 260 с.
8. Памятная книжка Енисейской губернии на 1909 год. Красноярск: Енисейская губернская типография, 1909. 450 с.
9. Прелюбодеяние // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб.: Типо-Литография И. А. Ефрона, 1898. Т. XXV. Пряга – Просрочка отпуска.
10. Русские ведомости. 1884. № 268.
11. Сборник народных юридических обычаев: в 2-х т. / под ред. С. В. Пахмана. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1900. Т. 2. 429 с.
12. Соловьев Е. Преступления и наказания по понятиям крестьян Поволжья // Сборник народных юридических обычаев: в 2-х т. / под ред. С. В. Пахмана. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1900. Т. 2. С. 275-300.
13. Федоров С. Г. Конокрадство и самосуд в системе обычного права провинциальной России во второй половине XIX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 3 (41): в 2-х ч. Ч. 2. С. 197-199.
14. Якушкин Е. И. Обычное право. Материалы для библиографии обычного права. Ярославль: Типо-литография Губернской земской управы, 1896. Вып. 2. 545 с.

**ADULTERY, LYNCHING AND CUSTOMARY LAW IN THE RUSSIAN AND SIBERIAN VILLAGES
IN THE SECOND HALF OF THE XIX – AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY**

Fedorov Sergei Georgievich, Ph. D. in History
Kurgan State University
serg-georg@mail.ru

In the article on the basis of ethnographic and archival material lynching for adultery in the Russian village is researched. The reasons of peasant lynching for adultery are analyzed. The role of family and community in such lynching is ascertained. Lynching in the Russian and Siberian villages is compared, its specificity is revealed. The author emphasizes the gender nature of the punishments for adultery. The forms of peasant lynching are considered, their social and legal functions in the life of the village are identified. The impact of modernization on the further use of lynching among peasants is studied.

Key words and phrases: deviant behavior; customary law; lynching; adultery; Russian and Siberian villages; modernization processes.

УДК 343.278

Юридические науки

В статье рассматриваются теоретические основания и проблемы применения к несовершеннолетним преступникам одного из видов уголовного наказания. Анализируется место лишения права заниматься определенной деятельностью в системе основных и дополнительных наказаний для несовершеннолетних, определяется эффективность его применения. Делаются выводы о том, что существование данного наказания статистически и теоретически необоснованно, предлагаются изменения и дополнения к действующему уголовному законодательству РФ.

Ключевые слова и фразы: дисквалификация; лишение права заниматься определенной деятельностью; наказания несовершеннолетним; виды наказания; ограничение прав.

Фокин Владимир Алексеевич

Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина
Fokin-Vladimir-1990@yandex.ru

**ЛИШЕНИЕ ПРАВА ЗАНИМАТЬСЯ ОПРЕДЕЛЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ
КАК ВИД УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ, ПРИМЕНЯЕМЫЙ К НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ[©]**

В широком перечне различных видов наказаний особое внимание уделяется наказаниям несовершеннолетних преступников, что обуславливается свойствами личности преступника и необходимостью строгой

[©] Фокин В. А., 2015